

УДК 314.9

DOI: 10.31857/S032120680005176-7

Переписи населения в США и этнорасовый вопрос

М.А. Марусенко

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0441-7845> e-mail: tamikhail@yandex.ru*

Н.М. Марусенко

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48
ORCID: 0000-0002-3347-1373 e-mail: nmm.spb@gmail.com
Статья поступила в редакцию 25.03.2019.*

Резюме: Особенностью истории и идеологии проведения переписей населения в США по сравнению, например, с переписями, проводимыми в европейских государствах, является использование двух категорий – расы и этничности. В то же время, при определении официальных расовых идентичностей роль языка обычно не учитывалась. Исторически, раса включала физические, наследственные и неизменные различия, а этничность рассматривалась как культурное различие, передаваемое от поколения к поколению, но могущее изменяться во времени. Поэтому расовый дискурс представляет некоторые группы как отличные и опасные, а этнический дискурс рисует их как безопасные и даже колоритные. Главное расовое различие строится на противопоставлении групп, состоящих из белых, и групп, состоящих из небелых, а внутри групп, состоящих из небелых, также определяются расовые различия. Расовые различия внутри группы белых считаются менее значимыми и постоянными, чем различия между белыми и другими группами. Таким образом, переписи являются статистическим отражением двучленной социально-политической конструкции, в которой противопоставление «белые» – «небелые» рассматривалось как неизменное при переходе от одного поколения к другому и имеющее большее значение, чем исчезающие уже после второго поколения расовые различия между белыми. В последние десятилетия особое внимание уделяется этническому происхождению испаноязычных американцев, к которым относятся латиноамериканцы, латиносы и испанцы, которые, однако, не считаются отдельной расой, а учитываются по следующим категориям: мексиканцы, американцы мексиканского происхождения, чиканос, пуэрториканцы, кубинцы и остальные – аргентинцы, колумбийцы и т.д. Современная формулировка вопроса о языках в переписях характеризуется тем, что в ней языковое поведение ставится над наследственной этнорасовой или культурной идентичностью.

Ключевые слова: перепись населения, опрос, раса, этничность, материнский язык, национальная идентичность, этническая идентичность

Для цитирования: Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Переписи населения в США и этнорасовый вопрос. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019;49(6): 5-21. DOI: 10.31857/S032120680005176-7

U.S. Population Censuses and the Ethno-Racial Question

Michael A. Marusenko

Russian State Pedagogical University,

48 Moyka Embankment (Naberezhnaya r. Moyki) St. Petersburg, 191186, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0441-7845> e-mail: mamikhail@yandex.ru

Natalia M. Marusenko

Russian State Pedagogical University,

48 Moyka Embankment (Naberezhnaya r. Moyki) St. Petersburg, 191186, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3347-1373 e-mail: nmm.spb@gmail.com

Received 25.03.2019

Abstract: The article discusses the history and ideology of the censuses of the population in the United States, a feature of which compared to, for example, the censuses held in European countries, is the use of two categories - race and ethnicity. At the same time, in determining official racial identities, the role of language is usually not taken into account. Historically, race included physical, hereditary, and invariable differences, and ethnicity was seen as a cultural difference, passed on from generation to generation, but could change over time. Therefore, racial discourse presents some groups as different and dangerous, and ethnic discourse depicts them as safe and even colorful. The main racial difference is based on the opposition of groups consisting of whites and groups consisting of non-whites, and racial differences are also defined within groups consisting of non-whites. Thus, censuses are a statistical reflection of a two-term socio-political structure, in which the opposition “white” to “non-white” was viewed as unchanged during the transition from one generation to another and having more significance than racial differences between whites, which disappear after the second generation. In recent decades, special attention has been paid to the ethnic origin of Hispanic Americans, which include Hispanics, Latinos and Spaniards. They, in turn, are counted in the following categories: Mexicans, Americans of Mexican Origin, Chicanos, Puerto Ricans, Cubans and others - Argentines, Colombians, etc.), but they do not constitute a separate race. The modern formulation of the question of languages in censuses is characterized by the fact that in it language behavior is put over hereditary ethno-racial or cultural identity.

Keywords: population census, survey, race, ethnicity, mother tongue, national identity, ethnic identity.

For citation: M.A. Marusenko, N.M. Marusenko. U.S. Population Censuses and the Ethno-Racial Question. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2019, 49(6): 5-21. DOI: 10.31857/S032120680005176-7.

ВВЕДЕНИЕ

Переписи населения играют ключевую роль в определении национальных и групповых идентичностей и тесно связаны с наделением и легитимацией политической власти. Результаты последних переписей в США показали, что разделение населения на официальные расовые категории ведёт к юридической и социальной дискриминации людей, обозначаемых как «другие». При определении официальных расовых идентичностей роль языка обычно не учитывается. Однако изучение отношений между языковой идеологией, языком, расой, этничностью и национальной идентичностью является одной из основных задач переписей и обследований, проводимых Бюро переписи населения США (*U.S. Census Bureau*).

Особенностью американской национальной идеологии является использование двух категорий – «раса» и «этничность». Обе эти категории используются для кодирования различий между индивидами и группами с целью отличия их от доминирующей группы, хотя виды различий, которые они обозначают, не идентичны. Исторически «раса» включала физические, наследственные и неизменные различия, а «этничность» рассматривалась как культурное различие, передаваемое от поколения к поколению, но изменяемое во времени. Если расовый дискурс представлял некоторые группы как отличные и опасные, этнический дискурс рисовал их как безопасные и даже колоритные [Urciudi B., 1966].

В США термин «раса» идеологически связан с цветом кожи, а исторически он служил основой для оценки социальной ценности человека и для официальной политики, наделявшей его конкретными юридическими, политическими и имущественными правами. Главное расовое различие строилось на противопоставлении групп, состоящих из белых, и групп, состоящих из небелых, внутри которых также существовали расовые различия. Относительно групп белых считалось, что внутри этих групп расовые различия менее значимы и менее постоянны, чем различия между белыми и другими группами.

Разделение населения на категории по социальным и культурным критериям связано с возникновением современного национального государства: идеологическое определение нации требовало демаркации и укрепления границ между народами. Переписи сыграли важную роль в создании «воображаемых сообществ» [Anderson B., 1991]: они помогали определить и институционализировать категории, считающиеся релевантными для формирования национальных идентичностей, усиливали осознание общей идентичности среди людей, отнесённых к одной категории. Они также были неотделимы от государственной политики в сфере наделения различных групп правами и привилегиями.

В первой половине XIX века идеология расизма переживала подъём, а в середине века «ползучий расизм» в публичном дискурсе использовался для оправдания американской территориальной экспансии. Идеологическая связь между американской идентичностью и пресловутым превосходством белой расы, опиравшаяся на «научный расизм» и евгенические исследования, привела к появле-

нию в переписи 1850 г. новой категории «мулат». А в переписи 1890 г. уже присутствовали категории «белый», «чёрный», «мулат», «квартерон», «октерон», «китаец», «японец» и «индеец» [Nobles M., 2002: 43-70].

Обеспокоенность изменениями расовой структуры населения привела к переориентации политики иммиграции: прежде антииммигрантская идеология была направлена против католиков и утверждала превосходство белых протестантов-ангლოსаксов, их политических идеалов, традиций и институтов. Но в середине XIX века внимание переключилось на различия между группами европейцев, которые стали восприниматься как расовые, а не просто национальные, политические или культурные, потому что они значительно отличали новых иммигрантов от расовых характеристик ангლოსаксов, построивших раннее государство на основе американских ценностей и идентичности. Однако, несмотря на многочисленные виды официальной и неофициальной дискриминации, иммигранты из стран Южной и Восточной Европы не подвергались такой же дискриминации, как народы, отнесённые к «небелым».

Европейские иммигранты, даже учитывая их «сомнительное» расовое происхождение, всё же были отнесены к белой расе, но, чтобы не смешивать их с ангლოსаксами, в переписи 1850 г. появился вопрос о месте рождения. Новая расовая категория «китаец» впервые появилась в 1870 г., причём принадлежность к ней определялась по месту рождения родителей. Она представляла собой пример этнического происхождения, использовавшегося вместо расовой категории. Внуки европейских иммигрантов больше не относились к категории «другие» и учитывались как белое население. Таким образом, перепись являлась статистическим отражением двучленной социально-политической конструкции, в которой противопоставление «белые» – «небелые» рассматривалось как неизменное при переходе от одного поколения к другому и имеющее большее значение, чем расовые различия между белыми, которые исчезали уже после второго поколения.

В этот период в общественном сознании окончательно укрепилась связь между американской идентичностью и английским языком и к концу XIX века США осознали себя как англоязычную нацию, в которой функции управления доверялись представителям белой расы. Следуя этой же логике, с 1906 г. знание английского стало обязательным условием предоставления американского гражданства. По мере того как английский язык начал ассоциироваться с лояльностью к США, стала падать терпимость по отношению к многоязычию. «Американцы в кавычках» и все, кто сохранил культурные или языковые связи с другой страной, считались неполноценными американцами и вызывали подозрения. В общественном мнении стало уже недостаточным изучать английский язык – нужно было прекратить говорить на другом языке [Pavlenko A., 2002: 168].

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

История переписей в США восходит к Конституции 1789 г., которая постановила, что новое федеральное правительство должно проводить через каждые десять

лет перепись населения для распределения мест в Конгрессе, поскольку данные переписи являются фундаментом американской представительной демократии и состав Конгресса каждые 10 лет меняется в зависимости от численности населения каждого штата. Результаты ежелекционной переписи населения нужны были также для определения налоговых поступлений от каждого штата. Ранние переписи не включали языковых вопросов, считавшихся маловажными в целях социальной дифференциации населения, особенно в терминах расы и цвета кожи. К тому же, в тот период в США не существовало эксплицитной языковой политики.

Первая перепись населения в США состоялась в 1790 г. и имела целью определить численность мужчин призывного возраста в стране, население которой насчитывало тогда 3,9 млн человек. Перепись проводилась традиционным образом – с помощью бумаги и карандаша, но уже через сто лет, в 1890 г., при её проведении стали использоваться табуляторные машины. Тогда же служащий Бюро переписи населения Герман Холлерит изобрёл перфокарту [1] и основал компанию «Тэбьюлейтинг мэшин» (*Tabulating Machine Company*), на основе которой через 50 лет была создана компания Ай-би-эм (*IBM*).

Сегодня в США проводятся три вида переписей: *10-летняя перепись населения*, *Экономическая перепись* и *Обследование американских общин*, позволяющее Конгрессу и лидерам общин принимать информированные решения, на которых основывается американская демократия. С 1790 г. переписи стали проводиться через каждые 10 лет, причём с каждой переписью их содержание усложнялось. После 1790 г. переписи перестали служить только для учёта численности населения, а стали отражать экономический рост и национально-социальную структуру общества. Так, в 1800 г. были добавлены вопросы о численности свободных белых женщин разных возрастных категорий, а индейцы, рабы и свободные чернокожие учитывались как единая категория без деления на возрастные группы.

К переписи 1810 г. Конгресс принял закон, обязывавший при проведении переписи указывать число промышленных предприятий в каждом округе.

В 1820 г. респонденты должны были указывать, сколько членов домохозяйства заняты в сельском хозяйстве, торговле или промышленности. Это объясняется тем, что в этот период в США началась Американская промышленная революция.

В 1830 г. в перепись были добавлены вопросы об инвалидности, включая глухоту и слепоту (сегодня подобные вопросы включены в *Обследование американских общин*). Эта перепись примечательна ещё и тем, что в ней впервые использовались стандартные печатные переписные листы.

В переписи 1840 г. впервые появились вопросы об охвате школьным образованием и о грамотности, а также о занятости населения по семи категориям: добыча полезных ископаемых, садоводство, торговля, деревообрабатывающая промышленность, рыболовство, промышленность и сельское хозяйство.

В 1850 г. при переписи стали записываться имена всех свободных членов домохозяйства с датами рождения, смерти и стоимость недвижимости, а в Конгрессе был создан Комитет по переписи, который курировал проведение 10-летних переписей и учёт домохозяйств.

В 1901 г., по предложению президента Т. Рузвельта в целях совершенствования управления и развития научных исследований в этой сфере был учреждён постоянный орган – Управление по переписи, которое и стало с 1902 г. федеральным агентством под названием Бюро переписи населения.

Перепись 1920 г., ко времени которой население достигло уже 106 млн человек, примечательна тем, что в неё был включён вопрос о годе натурализации и три вопроса о наследственном этническом языке (*native language*).

В переписи 1940 г. (и в шести последующих 10-летних переписях) первый раз при составлении списка обследуемых домохозяйств была применена случайная выборка. С 2005 г. обследование американских общин благодаря своей краткости вытеснило 10-летнюю перепись, обработка результатов которой занимала тоже около десяти лет, а *случайная выборка* стала основным методом организации переписей.

В переписи 1960 г. впервые в истории США была использована почтовая рассылка переписных листов, а в 1970 г. Конгресс разрешил возвращать заполненные листы по почте. В связи с добавлением вопроса о происхождении испаноязычных американцев были изготовлены переписные листы на испанском языке.

В 1990 г. при проведении переписи использовалась новая цифровая система картографирования *TIGER*, позволившая получить электронные карты для сбора и обработки полученной информации.

В 2000 г. Бюро по переписи всячески поощряло использование почты, однако падение доли возвращаемых по почте вопросников в течение последних 30 лет сделало актуальным вопрос об использовании интернета. Очевидно, что в 2020 г. обследование американских общин будет организовано в безбумажной форме с использованием интернета [2].

Ещё в 1950 г. Бюро переписи населения начало употреблять цифровые технологии и приобрело первый компьютер *UNIVAC-I*, который весил 16 000 фунтов (более 7 200 кг) и использовал 5000 вакуумных ламп. Это чудо техники выполняло 1900 операций в секунду, а его ЦПУ имело размер 12х6х6 футов (3,7х1,8х1,8 м) и тактовую частоту 2,25 МГц, (в 1300 раз медленнее, чем обычный современный бытовой компьютер) [1].

С 1980 г. результаты переписи стали распространяться в электронном виде на *CD-ROM*, а сегодня все результаты доступны на сайте *www.census.gov*, где численность населения обновляется каждые несколько секунд.

В 2010 г. переписной лист включал десять вопросов, направленных на получение информации о числе проживающих в домохозяйстве, их семейных и прочих отношениях, типе домохозяйства, имени собственника, имени и фамилии, поле каждого члена домохозяйства (два варианта ответов), дате рождения. Восьмой и девятый вопросы были посвящены этническому происхождению респондента. Восьмой вопрос касался происхождения испаноязычных американцев, к которым относятся латиноамериканцы, латиносы и испанцы. Они, в свою очередь, учитываются по следующим категориям: мексиканцы, американцы мекси-

канского происхождения, чиканос, пуэрториканцы, кубинцы и «остальные» – аргентинцы, колумбийцы и т.д.). Однако они не составляют отдельную расу.

Расовому происхождению был посвящён девятый вопрос. В структуре американского населения представлены следующие расы: 1) белые, 2) чёрные, афро-американцы или негроиды, 3) индо-азиаты, 4) китайцы, 5) филиппинцы, 6) японцы, 7) корейцы, 8) вьетнамцы, 9) гавайские аборигены, 10) гуамани (малайцы) или чаморро (уроженцы Марианских островов), 11) самоанцы, 12) уроженцы прочих тихоокеанских островов, 13) остальные азиаты, 14) прочие расы [2].

КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА

Сравнение данных переписей позволяет выявлять тренды изменения языковой ситуации и прогнозировать эти изменения в будущем. Особое значение это имеет для тех стран, в которых велика доля иммигрантского населения, потому что способность говорить на мажоритарном языке определяет, будут ли они изолированы или интегрированы в социум. Так, сравнение результатов переписей 1990 и 2000 гг. в США, в которых задавался вопрос о языке, используемом в домашней обстановке, показало следующую эволюцию.

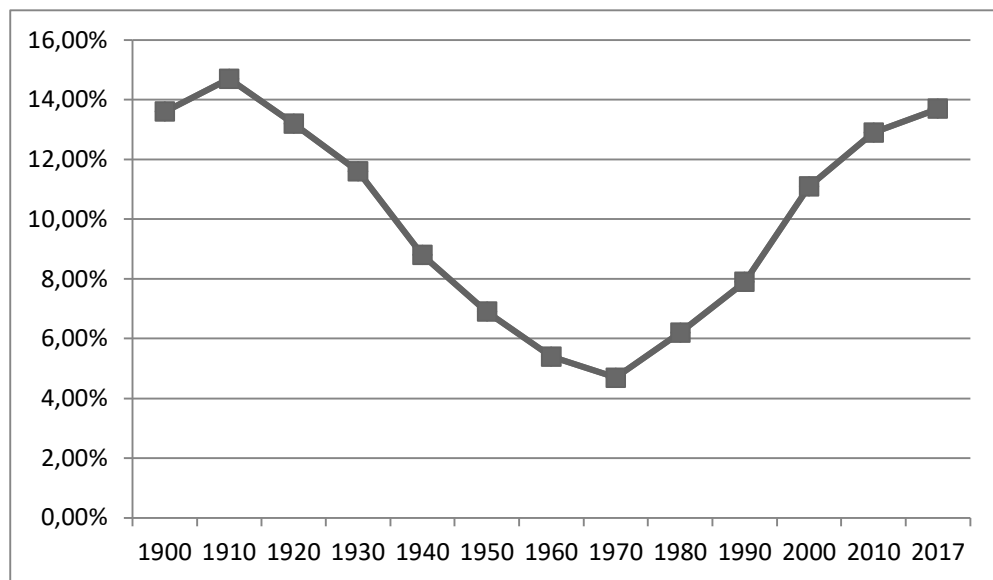
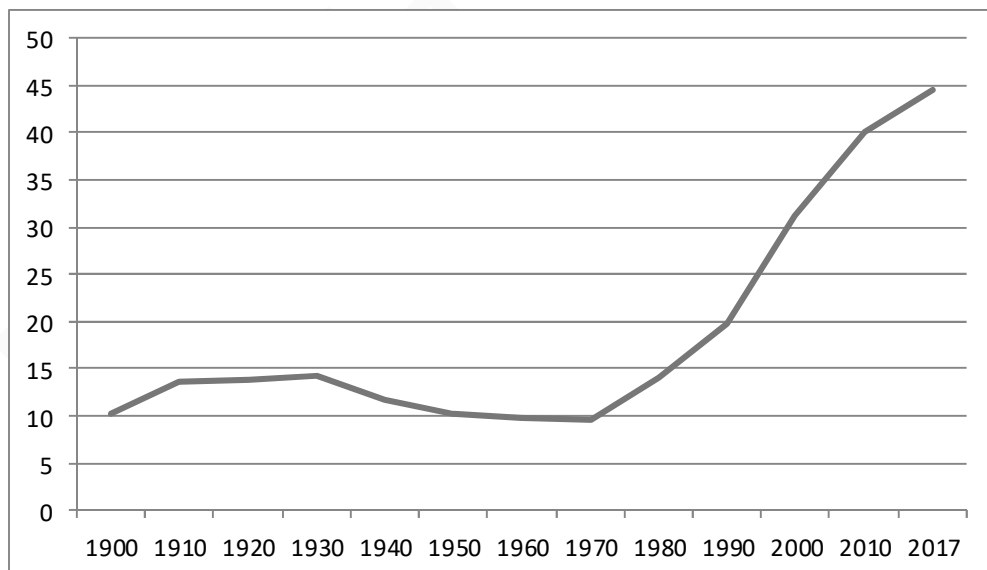
Категория «Прочие индоевропейские языки» не включала английский и испанский, а в категорию «Азиатские языки» входили автохтонные языки Азии и островов Тихого океана, а также китайский, японский, телугу и гавайский языки. В табл. 1 приводятся данные о респондентах, заявивших, что они говорят на этих языках «очень хорошо» [7]. Эти данные основаны на самооценке респондентов, а не на проверке их языковых компетенций.

Таблица 1

Языки, используемые в домашней обстановке

Языки	Перепись 1990 г.		Перепись 2000 г.	
	Численность	Доля (%)	Численность	Доля (%)
Только английский	198 600 798	86,18	215 423 557	82,11
Испанский	17 345 064	7,53	28 101 052	10,71
Прочие индоевропейские	8 790 133	3,81	10 017 989	3,82
Азиатские	4 471 621	1,94	6 960 065	2,65
Прочие	1 238 161	0,54	1 872 489	0,71
Численность. населения (старше 5 лет)	230 445 777	100,00	262 375 152	100,00

Из табл. 1 видно, что за 10 лет, несмотря на увеличение более чем на 16 млн человек числа американцев, говорящих дома только на английском, их относительная доля в структуре населения снизилась более чем на 4%. В это же время численность испанофонов выросла почти на 11 млн человек (3,18%). Объяснение этому можно найти, если проанализировать динамику изменения численности американцев, родившихся за пределами США (см. рис. 1-2) [Frey W. H. 2018].

Рис. 1. Доли американцев, родившихся за пределами США, 1900–2017 гг.**Рис. 2. Численность американцев, родившихся за пределами США, 1900–2017 гг. (млн человек)**

Как видно на рис. 1-2, начиная с 1970 г. по 2017 г. имел место непрерывный рост доли и численности американцев, родившихся за рубежом, то есть иммигрантов. Параллельно с этим рос и процент носителей разных иммигрантских

языков, «не очень хорошо» (по результатам самооценки) говорящих на английском (см. табл. 2) [7].

Таблица 2

Число американцев, говорящих на английском «не очень хорошо»

Языки, на которых говорят в домашней обстановке	Перепись 1990 г.		Перепись 2000 г.	
	Численность	Доля (%)	Численность	Доля (%)
Испанский	8 309 995	47,91	13 751 256	48,94
Прочие индоевропейские	2 844 409	32,36	3 390 301	33,84
Азиатские	2 420 355	54,13	3 590 024	51,58
Прочие	407 743	32,93	588 826	31,45
Всего	13 982 502	6,0	21 320 407	8,13

Поскольку США являются многонациональной и многоязычной страной, её правительство уделяет большое внимание разъяснительной работе по участию населения в переписи. Так, для переписи 2000 г. соответствующие материалы распространялись на 17 языках, а для переписи 2010 г. – уже на 28 языках. Перепись 2000 г. была первой в истории, имевшей отдельный бюджет на платную рекламу, оценивавшийся в 100–150 млн долл. Через десять лет, в 2010 г., рекламный бюджет составил уже 340 млн долл. Эти расходы считаются необходимыми для получения надёжных и всеобъемлющих результатов.

К переписи 2010 г. была запущена Программа языковой помощи в заполнении переписных листов тем, кто не говорит по-английски. Средства были выделены из бюджета Бюро переписи, которое считало своей обязанностью оказать помощь всем языковым сообществам. Программа позволила также снизить общие затраты на перепись за счёт уменьшения числа переписчиков, которые должны были ходить от двери к двери и помогать жителям заполнять переписные листы.

С 15 по 17 марта 2010 г. 120 млн переписных листов были направлены по почте на домашние адреса резидентов. Их просили заполнить и отослать обратно эти листы сразу после заполнения. Директор Бюро переписи обращался к каждому жителю и писал, что тому придётся заполнить самый короткий вопросник в своей жизни: он включает всего десять вопросов и потребует не более 10 минут времени. Данные, полученные в результате переписи, определяют выделение более 400 млрд федеральных средств на нужды племён, штатов и местного самоуправления.

Директор Бюро пояснял, что, если жители вернут переписные листы по почте, это позволит сэкономить сотни миллионов долларов налогоплательщиков, так как «намного дешевле посылать ответы по почте, чем посылать переписчиков обходить дома тех, кто не ответил на вопросы». Поквартирный и подворный обход домохозяйств требовал привлечь более 650 тыс. переписчиков и стоил больше 2,3 млрд долларов [3].

Если в ранний период истории США национальная идентичность строилась на принадлежности к белой расе и соблюдении ряда политических принципов, то к концу XIX века её основой постепенно стал английский язык. Это произошло из-за того, что в связи с ростом иммиграции в обществе возникло беспокойство отно-

сительно того, будут ли новые иммигранты ассимилироваться в доминирующую культуру. Растущая символическая ценность языка нашла политическое закрепление в законе «О натурализации» 1906 г., в котором впервые знание английского языка стало условием предоставления американского гражданства.

Антииммигрантские настроения наложились на языковые проблемы и расовую враждебность, потому что нативисты считали иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы сильно отличающимися от доминирующей группы – белых англосаксонских протестантов (*White Anglo-Saxon Protestant, WASP*). А именно иммигранты из этой части Европы, которые на рубеже двух веков были большинством вновь прибывающих в США, рассматривались как угроза расовому составу нации. Законодатели отреагировали на это созданием Бюро переписи, задачей которого поставили собирать данные о расово-этническом происхождении иммигрантов и их детей. Вместо того чтобы задавать эти вопросы напрямую, Бюро использовало опыт европейских переписей, в которых язык часто выступал как маркер «культурной национальности» [Loveman M., 2014]. Поэтому в 1910 г. в переписи появился вопрос о материнском языке (*mother tongue*), отвечать на который должны были только респонденты, родившиеся за границей и их потомки. Кроме этого, был введён раздельный учёт рас, выделяемых по цвету кожи («белая» и «чёрная»), которые определялись как наследственные различия, бесконечно передаваемые от поколения поколению. Этнорасовая идентичность определялась по языку, который использовался только для различения подгрупп внутри белого сообщества. Данные об ответах на вопрос о материнском языке, наряду с данными о знании английского языка, использовались же для того, чтобы утверждать, что новые иммигранты изучают английский и ассимилируются медленнее и поэтому необходимо ограничить иммиграцию.

Во время Первой мировой войны для укрепления американской идентичности потребовалось объединить традиционный образ жизни с английским языком. Уже было недостаточно выучить английский в дополнение к своему этническому языку: сохранение этих языков стало признаком двойной лояльности. Настоящий патриот должен быть одноязычным, говорить на английском языке, а обладатель иностранного акцента вызывал подозрения [Crawford J., 2008].

Идеология моноязычия, представляющая собой синтез политической философии, теории государственного строительства и гегемонии английского языка, нашла своё воплощение в документах языкового строительства в начале 1920-х годов. Тогда 34 американских штата приняли законы, ограничивающие образование на всех языках, кроме английского, а также серьёзно сократившие число газет и других публикаций на миноритарных языках.

Хотя государственные власти в это время принимали ограниченные меры в поддержку использования миноритарных языков, в частности испанского, это делалось по чисто прагматическим соображениям их полезности в решении социальных проблем, а не ради признания пользы многоязычия или миноритарных языков. Так, когда Техасская противотуберкулёзная ассоциация создала движение «В защиту здоровья» (*Movimiento Pro Salud*), которое занималось распространением

санитарно-просветительских брошюр и фильмов на испанском языке, его целью была забота о благополучии всего американского общества благодаря снижению заболеваемости и риска заражения [Martinez G.A., 2013]. Такой инструментальный подход к использованию испанского языка не означал признания ценности языка или его носителей и не изменил отношения к мексиканцам и американцам мексиканского происхождения как к людям низшей расы.

В 1920-е годы антииммиграционное движение добилось серьёзного ограничения иммиграции из разных регионов мира, включая Южную и Восточную Европу. Законы, принятые в 1921 и 1924 гг., полностью запретили иммиграцию из стран Азии и ввели квоты для других стран, поощрявшие иммиграцию из стран Северной Европы. Статистические данные, полученные в результате переписей 1890 и 1910 гг., использовались не только для дебатов в Конгрессе, но и для применения системы квот, которые рассчитывались по данным о численности людей разного национального происхождения. Такая иммиграционная политика привела к сокращению числа иммигрантов и людей, не владеющих английским языком. Поэтому начиная с 1940 г. языковые вопросы были удалены из вопросников. Это не означало, что символическая ценность английского языка понизилась; просто вопрос потерял политическую актуальность.

Однако концепция языка как индикатора этнорасовой идентичности сохранилась, и в 1960-х годах Бюро переписи населения восстановило вопрос о материнском языке для того, чтобы «определять национальность или этническое, или языковое происхождение респондентов, родившихся за границей». По мере развития движения в защиту гражданских прав, языковая статистика стала использоваться как довод в пользу предоставления политических прав или для борьбы с неравенством. Гражданские активисты требовали от Бюро по статистике предоставить данные по группам испаноязычных американцев, которые в отличие от афроамериканцев, азиатов и коренных жителей официально не признавались «расовыми группами» [Mora G.C., 2014]. Поэтому в 1970 г. вопрос о материнском языке задавался всем участникам переписи, а не только рождённым за границей, чтобы «идентифицировать различные этнические группы населения, в частности испаноязычное население» [3]. Связь языка с этнорасовой идентичностью и концепция языка как наследственной характеристики были закреплены в законе 1976 г. (Иммиграционный акт 1976 г., в 1978 г. переименованный в Закон об иммиграции), официально закрепившим дискриминацию в отношении лиц с «испаноязычным прошлым» и потребовавшим от федеральных агентств собирать и публиковать статистику по этой группе населения. Изменения языковой политики заставили Бюро по статистике готовить материалы переписей на испанском языке и рекрутировать испаноязычных переписчиков.

При подготовке переписи 1970 г. было принято решение ввести для испаноязычных респондентов прямой вопрос об их испанской самоидентификации, а вопрос о материнском языке был снят в переписи 1980 года. Но он вновь появился в переписи 1990 г., и теперь состоял из трёх частей.

В первой части вопроса спрашивалось, есть ли в домохозяйстве члены старше пяти лет, которые в домашней обстановке говорят не на английском. Если ответ был положительным, во второй части респондентам предлагалось указать этот язык. В третьей части нужно было оценить, насколько хорошо респондент говорит на английском. Этот трёхчастный вопрос сохраняется до сих пор, хотя он перекочевал в Обследование американских общин, которое после 2000 г. заменило перепись по длинному вопроснику.

Современная формулировка вопроса о языках отличается от предыдущих тем, что в ней речь идёт о языках, используемых в домохозяйствах, и ставит его над наследственной, этнорасовой или культурной идентичностью. В отличие от начала XX века, когда иммигранты и их дети относились к определённой расе на основании наследственной связи с неанглийским языком, сегодня языковые отличия фиксируются только для тех респондентов, которые на момент переписи говорят не на английском. Перенос акцента на языковое поведение объясняется популярностью дискурсивной конструкции о преимуществах мультирасовой нации, включающей всех, кто «выбрал» ассимиляцию на английском языке. Единственным исключением является продолжающаяся расовая дискриминация латиносов, которые имплицитно и эксплицитно официально продолжают связываться с испанским языком, независимо от того, на каком языке они говорят в настоящее время [Leeman J., 2018: 27].

Несмотря на приверженность Бюро переписи этнорасовой и лингвистической классификации, языковая политика, которая была основана на этой классификации, сильно изменилась. Предшествующая расовая классификация была частью официального расизма и расовой политики, а возвращение в 1980 г. вопроса об испанском происхождении свидетельствовало о прогрессе в области гражданских прав и борьбы с социальным неравенством. Прежде языковая статистика собиралась в интересах запретительной расовой иммиграционной политики, а после 1980 г. с её помощью формируется новая инклюзивная национальная политика, основанная на законе «О гражданских правах» 1964 г., запретившем дискриминацию на основе расы, цвета кожи или национального происхождения.

Перемены начались после принятия в 1968 г. закона «О двуязычном образовании», обязавшем образовательные округа, хотя бы они этого или нет, обеспечивать двуязычное обучение ученикам, не говорящим по-английски. В 1974 г. был принят закон «О равных образовательных возможностях», обязавший, в дополнение к закону «О двуязычном образовании», предоставлять детям возможность учиться на языке, на котором они говорят дома.

Имплементация новой образовательной политики потребовала данных о распределении школьников с разными языками по возрастным категориям. Упор делался на недостаточном знании английского языка (а не на принадлежности к миноритарной языковой группе), информацию о котором не мог дать вопрос о материнском языке или о языке, на котором говорят дома. Целью переписи становится выявление людей с ограниченными компетенциями в английском языке и определение языков, на которых они говорят. Однако опрос всего

населения об уровне владения английским языком представлялся бесполезным для большинства англоязычных домохозяйств, а также мог запутать моноязычных англофонов, которые могли интерпретировать этот вопрос как попытку оценить их владение стандартной грамматикой. Поэтому трёхчастный вопрос был сконструирован таким образом, что его первая часть служила фильтром и позволяла англофонам перейти к следующему вопросу, не останавливаясь на компетенциях в английском языке:

14a. *Говорит ли это лицо в домашней обстановке не на английском языке? «Да», «Нет» (Если нет, переходите к вопросу 15).*

14b. *Укажите этот язык. [Вписать язык].*

14c. *Как хорошо это лицо говорит по-английски? «Очень хорошо», «Хорошо», «Не хорошо», «Не говорит совсем».*

Ограничение только языком, на котором говорят в домашней обстановке, было сделано для того, чтобы отсечь языки, которые не используются на регулярной основе, например, выученные в учебных заведениях и никогда не используемые [Kominski R., 1989: 335].

Статистика, полученная при помощи трёхчастного вопроса о языке, была использована в новых политических целях ещё до проведения переписи 1980 г. В 1975 г. Конгресс принял закон «О праве на голосование», предусматривающий защиту граждан, принадлежащих к языковым меньшинствам и исторически исключённых из политического процесса, перечисленных в законе как «американские индейцы, американские азиаты, аляскинские аборигены или потомственные испанцы». Закон обязал директора Бюро переписи населения определить округа, в которых не менее 5% жителей принадлежат к исторически дискриминируемым миноритарным языковым группам и где уровень грамотности был ниже среднего по стране. В этих округах переписные материалы должны были распространяться на миноритарных языках.

Несмотря на более инклюзивную политику в отношении этнорасовых меньшинств, признание связи между языком и этнорасовой идентичностью сформировало отрицательное отношение ко всем языкам, за исключением английского, и в особенности к испанскому языку. В результате гегемонистское положение английского только укрепилось. Новая языковая политика, вопреки декларируемым инклюзивным задачам, относилась к проблеме языка так, как и к проблемам бедности или улучшения жилищных условий.

Американский подход к языковым правам, объявляя язык элементом этнорасовой или культурной идентичности, признавал за меньшинствами только негативное право быть свободным от дискриминации, но не позитивное право на обучение или госуслуги на миноритарных языках. Юридическая и финансовая поддержка, оказываемая двуязычному образованию в соответствии с законом «О двуязычном образовании», распространялась только на период ликвидации отставания в знании английского языка, но вовсе не предусматривала повышения статуса или поддержку миноритарных языков как таковых. Она прекращалась, когда учащийся мог перейти на обучение на английском языке [Gar-

cia O., 2009]. Эта политика воспроизводила языковую иерархию, укрепляя позицию английского как языка, производящего и передающего знания, языка академического и профессионального успеха, подчиняющего все другие языки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идеология моноязычия, воплощённая в США в официальную языковую политику и судебные решения, широко распространена в публичном дискурсе, который рассматривает владение английским языком как основное условие личного благосостояния и успешности, а другие языки – как ущерб, наносимый и индивиду, и нации в целом.

Хотя все миноритарные языки и их носители являются объектами унижения и нападок, самой частой их целью стал испанский, хотя он имеет наибольшее число носителей и ассоциируется с самым большим этнорасовым меньшинством и самой большой группой незаконных мигрантов. Периодически повторяющиеся кампании по объявлению английского официальным языком, провоцируются испанофобией и дискурсом о нелегальной иммиграции, дискриминирующими всех латиносов, независимо от места рождения, гражданства и иммиграционного статуса [Dick H.D., 2011: 42].

Инклюзивная языковая политика провозглашает защиту людей с ограниченными компетенциями в английском языке, однако в действительности моноязычная идеология значительно ограничивает возможности этой политики. Так, несмотря на федеральные требования для программ здравоохранения с федеральным финансированием о предоставлении медицинских услуг на языках пациентов, провайдеры медицинских услуг убеждены, что пациенты имеют моральное обязательство изучать английский язык и препятствуют распространению медицинской информации и оказанию медицинских услуг на испанском языке.

Американские суды часто принимают решения, основанные на убеждении, что все языки, кроме английского, вредны для людей. Например, в штате Техас судья приговорил двуязычную женщину говорить по-английски со своей дочерью, мотивируя это тем, что другой язык (испанский) нарушает права ребенка, и угрожая изъять ребенка из семьи. В штате Теннесси суд обязал двух женщин (одна говорила на испанском, другая на языке племени мексиканских индейцев микстек) изучать английский, также под угрозой изъятия ребенка из семьи [5]. Строительство США как государства моноязычной англофонной нации и использование расового дискурса, неразрывно связывающего латинскую идентичность с испанским языком, привели к формированию образа Чужого, не способного к ассимиляции. Этот образ используется в призывах к запрету иммиграции, укреплению неприступности границ и запрету на оказание услуг на миноритарных языках. Примером испанофобии, основанной на неприятии языка, служат данное спикером Палаты представителей Конгресса США (в 1995–1999 гг.) Ньютоном Гингричем определение двуязычного обучения как «изучение языка для жизни в гетто» [6] или внесение в Конгресс резолюции об исполнении госу-

дарственного гимна только на английском языке, являющееся реакцией на публикацию в 2006 г. версии гимна на испанском языке.

Камнем преткновения, где языковая идеология пересекается с языковой политикой, всегда было Бюро по переписи, потому что его назначение – получение статистических данных, необходимых для осуществления определённых политических задач, направленных на укрепление гегемонистской идеологии.

Кроме обслуживания политических задач, подкрепляющих идеологию моноязычия, формулировки вопросов также имеют идеологическое содержание.

Первая часть вопроса о языке подразумевает, что английский – нормальный язык, на котором нужно говорить, а все остальные – исключения и отклонения от нормы. Акцент на языке, используемом в домашней обстановке, ведёт к исключению языков, которые используются нерегулярно или выучены в школе, что отрицает публичную ценность других языков.

Вторая часть вопроса, в которой от респондента требуется назвать (один!) разговорный миноритарный язык и которая не допускает множественного ответа, укрепляет представление о моноязычии как норме. То, что вопрос о компетенциях в английском языке следует сразу же после вопроса о разговорном неанглийском языке, также подтверждает тезис моноязычной концепции о том, что использование миноритарного языка представляет опасность для английского [Leeman J., 2004].

Значение имеют не только те вопросы, которые задаются при переписи, но и те, которые не задаются. То, что упоминаемый выше трёхчастный вопрос включён в Обследование американских общин, а в самой переписи вопрос о языке отсутствует, и что языковая информация собирается выборочным методом, тогда как данные о расе, этничности и поле поступают от всех резидентов, свидетельствует о том, что язык считается менее важным, чем эти социальные категории. Ни в одном опросе, проводимом Бюро переписи, нет вопросов о компетенциях в других языках, что подчёркивает доминирующее положение английского и малую ценность миноритарных языков. В отличие от тех стран и регионов, в которых языковые политики ориентированы на развитие и где языковые переписи и мониторинги включают оценку населением языковой политики и изменений языковой ситуации (например, смена языка или обратная смена языка), американская языковая политика, ориентированная на языковую ассимиляцию, не нуждается в статистике о компетенциях в миноритарных языках.

Способы табулирования и представления результатов переписи также определяются языковой идеологией. Так, сравнивая ответы респондентов с разными уровнями владения английским с ответами моноязычных англофонов, специалисты Бюро по статистике относят всех, ответивших, что они говорят на нём хуже, чем «очень хорошо», к категории «ограниченные компетенции в английском», потому что эти данные необходимы для применения закона «О праве на голосование» и для Министерства образования. И по этой причине в отчётах об Обследовании американских общин четыре категории ответов сведены в две: «очень хорошо» и «не очень хорошо». Все, кто не попал в категорию «очень хорошо»,

должны получать услуги на миноритарном языке [Leeman J., 2018: 35]. Это создаёт впечатление, что большая доля носителей миноритарных языков не владеет английским и, в свою очередь, порождает призывы к ужесточению иммиграционной политики, высылке незаконных иммигрантов и активизации политики английского моноязычия. Так осуществляется связь идеологии, политики и статистики.

ИСТОЧНИКИ

[1] Koetsier J., 2012. 222 years of the U.S. Census: paper to punch cards, UNIVAC to CD-ROM ... to web? Available at: <https://venturebeat.com/2012/07/03/222-years-of-census/> (accessed 19.01.2019).

[2] 2010 U.S. Census Sample Form. Available at: <http://www.censusquestions.com/us-census-form.html> (accessed 19.01.2019).

[3] U.S. Census Bureau Offers Language Assistance Services to Help Russian Americans Complete the 2010 Census Form. Available at: <http://www.russianwashingtonbaltimore.com/en/article/02-23-2010/us-census-bureau-offers-language-assistance-services-help-russian-americans> (accessed 02.02.2019).

[4] United States Bureau of the Census. 1970 Census of Population and Housing. Procedural History. Washington, DC: U.S. Department of Commerce, 1976. P. 5-16.

[5] Barry E., 2005. Learn English, judge tells moms. *The Los Angeles Times*, 14 February. Available at: <http://articles.latimes.com/2005/feb/14/nation/na-english14> (accessed 16.02.2019).

[6] Hunt K. 2007. Gingrich Bilingual classes teach 'ghetto'. *The Washington Post*, 31 March. Available at: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/03/31/> (accessed 17.02.2019).

[7] Census 2000 Data for the United States. Available at: www.census.gov/main/www/states/us.html (accessed 16.02.2019).

REFERENCES

Anderson B., 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism* (Revised ed.). London: Verso, 240 p.

Crawford J., 2008. *Loose ends in a tattered fabric: The inconsistency of language rights in the United States. Advocating for English learners: Selected essays*. Bristol: Multilingual Matters, 27 p.

Dick H.P., 2011. *Making immigrants illegal in small-town U.S.A.* Journal of Linguistic Anthropology, № 21(August). P. 35-55.

Frey W. H., 2018. *Analysis of Decennial Censuses and 2010 and 2017 American Community Survey*. The Brookings Institution, 216 p.

García O., 2009. *Bilingual education in the 21st century: A global perspective*. West Sussex, UK: John Wiley & Sons, 481 p.

Kominski R., 1989. *How good is 'how well'? An examination of the census English-speaking ability question*. American Statistical Association 1989 proceedings of the Social Statistics Section. P.333-338.

Leeman J., 2018. It's all about English: the interplay of monolingual ideologies, language policies and the U.S. Census Bureau's statistics on multilingualism. *International Journal of the Sociology of Language*, № 252. P. 21-43.

Leeman J., 2004. Racializing language: A history of linguistic ideologies in the U.S. Census. *Journal of Language and Politics*. P. 507-534.

Loveman M., 2014. *National colors: Racial classification and the state in Latin America*. Oxford: Oxford University Press, 400 p.

Martinez G.A., 2013. *Public health and the politics of Spanish in early 20th century*. J. Del Valle (Ed). A political history of Spanish: The making of a language. Cambridge: Cambridge University Press. P. 293-304.

Mora G.C., 2014. *Making Hispanics: How activists, bureaucrat and media constructed a new American*. Chicago: University of Chicago Press, 256 p.

Nobles M., 2002. *Racial categorization and censuses*. D.I. Kertzer, D. Arel (Eds). *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 43-70.

Pavlenko A., 2002. "We have room but for one language here": *Language and national identity at the turn of the 20th century*. *Multilingua*. № 21. P. 163-196.

Urciudi B., 1966. *Exposing Prejudice: Puerto Rican Experiences of Language, Race, and Class*. Boulder, CO: Westview, 240 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Марусенко Михаил Александрович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский Государственный Педагогический университет им. А. И. Герцена Российская Федерация, 191186 Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48

Марусенко Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Российский Государственный Педагогический университет им. А. И. Герцена Российская Федерация, 191186 Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48

Michail A. Marusenko, Doc. Sci. (philology), Professor, Chief Researcher, Russian State Pedagogical University. 48 Moyka Embankment (Naberezhnaya r. Moyki) St. Petersburg, 191186, Russian Federation

Natalia M. Marusenko, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Russian State Pedagogical University.

48 Moyka Embankment (Naberezhnaya r. Moyki) St. Petersburg, 191186, Russian Federation